

From “Decisive Hostility” to “Cordial Agreement”: “The Times” on the Evolution of Britain’s Image in Russian Press at the Beginning of the 20th Century

Lidia V. Antonova

Pskov State University. Pskov, Russia. Email: antonova.lidia.24[at]yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2283-6664>

Received: 14 August 2023 | Revised: 22 November 2023 | Accepted: 2 December 2023

Abstract

The article deals with the reflection of the image of Britain in the analytical reviews of “The Times” newspaper on the pages of the Russian periodical press at the beginning of the 20th century.

The study covers the period from the turn of the 19th–20th centuries until 1907, when the relations between Russia and Britain transitioned from extreme tension and rivalry in different regions of the world to an alliance within the Triple Entente. At this time, the press became truly massive and exerted a stronger influence than ever on the development of international relations. One of the leading English newspapers, “The Times”, took a largely pro-government stance and reflected the official position on foreign policy issues. It regularly reviewed the publications in the Russian press concerning Anglo–Russian relationship or British politics in general.

As a result of the analysis of “The Times” reviews, it is possible to show the significance of the British political image, the dynamics of public opinion in the Russian Empire regarding a possible confrontation or Anglo–Russian rapprochement. The Russian press formed among readers a certain perception of Britain in the context of the Anglo-Boer War, the events in the Far East, the process of resolving contradictions, and the conclusion of the 1907 agreement, while the English press reflected on this image. The transformation of rhetoric in the press happened as rapidly as the changes in relations between the two powers.

Keywords

Periodicals; The Times; Russian Empire; British Empire; Anglo-Boer War; Boxer Rebellion; Russo-Japanese War; The Image of the Enemy; The Image of The Ally; Entente

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

От «решительной враждебности» к «сердечному согласию»: “The Times” об эволюции образа Британии в российской печати начала XX в.

Антонова Лидия Владимировна

Псковский государственный университет. Псков, Россия. Email: [antonova.lidia.24\[at\]yandex.ru](mailto:antonova.lidia.24[at]yandex.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2283-6664>

Рукопись получена: 14 августа 2023 | Пересмотрена: 22 ноября 2023 | Принята: 2 декабря 2023

Аннотация

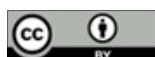
В статье рассматривается отражение в аналитических обзорах газеты “The Times” образа Британии на страницах российской периодической печати начала XX в.

Исследование охватывает период с рубежа XIX– XX вв. до 1907 г., когда отношения России и Британии прошли путь от крайней напряжённости и соперничества в разных регионах мира к союзу в рамках Тройственной Антанты. Пресса в это время становится по-настоящему массовой и оказывает как никогда сильное влияние на развитие международных отношений. Одна из ведущих английских газет “The Times” занимала, в основном, проправительственную позицию и отражала официальное мнение по внешнеполитическим вопросам. В ней регулярно делались обзоры на публикации российской прессы, касавшиеся англо-русских отношений или британской политики вообще.

В результате анализа обзоров “The Times” удалось показать, насколько значимым для публики был вопрос политического имиджа Британии, динамики общественного мнения Российской империи относительно возможной конфронтации или англо-русского сближения. Российская печать формировала у читателей определённое восприятие Британии в контексте англо-бурской войны, событий на Дальнем Востоке, процесса урегулирования противоречий и заключения соглашения 1907 г., а английская печать проводила рефлексию этого образа. Трансформация риторики в прессе происходила также стремительно, как и изменения в отношениях двух держав.

Ключевые слова

периодическая печать; The Times; Российская империя; Британская империя; англо-бурская война; восстание ихэтуаней; русско-японская война; образ врага; образ союзника; Антанта

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

К началу XX столетия отношения Великобритании и России были далеки от союзнических. До конца 70-х гг. XIX в. центр противоречий находился на Балканах, затем переместился в Среднюю Азию, наконец, на первое место вышел Дальний Восток. На страницах газеты “The Times” большое внимание уделялось не только британским новостям, но и международной проблематике и внутривосточным делам других государств. Одним из традиционных типов публикаций были аналитические обзоры иностранной, в том числе и российской прессы, которые и стали источником для данного исследования (The Times, 1901–1908). Они представляли собой подборку цитат, сокращённых или полных статей из зарубежных газет по определённому вопросу, иногда с комментариями, иногда без них. Такие обзоры делались обычно на публикации в прессе так называемых великих держав: регулярно – России, Германии, Франции, иногда Австро-Венгрии и Италии. Они появлялись на страницах “The Times” без определённой периодичности, но достаточно часто. Публикация могла быть со ссылкой на корреспондента “The Times”, например, в Петербурге, или вообще без указания авторства.

Использование историко-сравнительного метода при анализе публикаций позволяет проследить эволюцию взаимного восприятия двух держав в отечественной и английской прессе на рубеже XIX–XX вв. В то же время методы и подходы, разработанные в рамках исторической империологии, дают возможность проанализировать механизмы формирования и функционирования образа России как противника или союзника в британской прессе на примере материалов газеты “The Times”.

Какие российские печатные органы цитировались и анализировались в британском издании? Чаще всего это «Новое время» – газета, имевшая тогда репутацию проправительственной и реакционной. Также встречались выдержки из таких изданий как «Речь», «Русь», «Московская газета», «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости», «Слово», «Русский инвалид», реже упоминались небольшие оппозиционные газеты.

“The Times” была традиционно известна своей антироссийской позицией. Россия воспринималась британской публикой как одновременно европейская и азиатская и при этом весьма непредсказуемая держава (Макаров, 2012). В середине 1880-х гг., когда на повестке дня была ситуация в Средней Азии, риторика “The Times” стала настолько враждебной, что министр иностранных дел граф Гренвиль даже обращался в редакцию с просьбой быть сдержаннее; но и в дальнейшем “The Times” не проявляла гибкости в отношении России. В то же время в редакции газеты считали крайне важным понимать российскую позицию, будь то относительно ситуации в Европе, в Китае, Турции или на Дальнем Востоке. Большое внимание уделялось тому, чтобы тщательно

изучать общественное мнение в России и иметь достоверные источники информации. (The History of “The Times”..., 1947, p. 180–184).

Необходимо обозначить, какой, в целом, была оценка положения российской печати со стороны “The Times”. Мнение по этому вопросу, в частности, высказывалось в связи с юбилеем российской прессы – 200-летием основания первой русской газеты «Ведомости» в 1903 г. “The Times” тогда отмечала, что большей части российской публики нет никакого дела до этой даты, кроме профессионалов из числа издателей, журналистов, политических публицистов. Это представлялось как закономерная ситуация, поскольку пресса зажата множеством ограничений, постоянно подвергается преследованиям со стороны цензурной комиссии и министра внутренних дел и поэтому неспособна выполнять свои функции так, как это делает, например, британская печать. Наглядным признаком отсутствия свобод в Российской империи, неоднократно упомянутым в “The Times”, стал запрет праздничного банкета, который хотели провести в связи с юбилеем либерально настроенные литераторы и журналисты. (The Times, 1902, Dec. 26, p. 8, 1903, Jan. 1, p. 5, Jan. 3, p. 7). В одном из номеров “The Times” достаточно подробно охарактеризовала сложившуюся в России систему, но в текущих публикациях при ссылках на российские издания крайне редко давалась какая-либо характеристика их политической ориентации или оценка влияния. Вместе с тем внимание “The Times” к российским газетам не ослабевало, что даёт богатый материал, позволяющий расширить наше представление о трансформации взаимовосприятия двух стран в изучаемый период.

Русско-английские отношения в конце XIX – начале XX вв., как часть сложного клубка накопившихся в мире противоречий, широко изучены в историографии (Синегубов & Шилов, 2016, Романова, 2008, Рыбачёнок, 2012, Сергеев, 2012). Исследователи неоднократно обращали внимание на перемены в политической ориентации держав в этот период – хотя Россия и рассматривалась как сопоставимая с Германией угроза британским интересам, к 1907 г. наметились основания для сближения (Neilson, 1995, Капитонова & Романова, 2020). Множество исследований посвящено вопросам развития британской прессы, её роли в формировании общественного мнения и влиянии на международные отношения (Lee, 1976, Temple, 2008, The History of “The Times”..., 1947, Банникова, 2016), а также анализу положения российской прессы, особенностям цензурной политики (Блохин, 2009). Немало публикаций построено на характеристике того или иного аспекта международных отношений по материалам британских газет, в том числе и “The Times” (Медведик, 2006, Макаров, 2012, Антонова, 2021). Отражение образов противников и союзников России на страницах отечественной печати также привлекало внимание историков (Фролов, 2021). Ранее специально не исследовалось то, как “The Times” истолковывала содержание российской прессы и какой облик Британии, по мнению газеты, формировался у российской общественности.

Итак, каким был образ Великобритании в публикациях российской периодической печати, и как “The Times” реагировала на них? Насколько изменения в риторике газет отражали трансформацию в отношениях двух стран – или, наоборот, провоцировали эти изменения?

«Клеветническая кампания»: “The Times” об оценках англо-бурской войны в русской прессе

На рубеже веков, в 1899–1902 гг., Англия вела Вторую англо-бурскую войну. Начало конфликта было воспринято европейской общественностью с редким единодушием. Пресса на континенте немедленно осудила британскую агрессию. Собственные корреспонденты “The Times” со всей Европы сообщали о том, что симпатии на стороне буров.

Изначально сами британцы вовсе не были единодушны в восприятии войны, но государственная пропаганда использовала все инструменты для выработки общественной поддержки. Цензура оказывала давление на газеты. В первые недели войны редакции ведущих изданий были очищены от сторонников буров. Тема войны, задача сплочения и патриотического подъёма проникла буквально во все стороны жизни англичан, включая повседневность (Антонова & Дронова, 2020). Газеты были главным источником информации о войне, а “The Times” – одной из самых влиятельных и уважаемых газет в Британии и в мире. Известно было, что она получала сведения с места событий от профессиональных военных корреспондентов. В период войны “The Times” занимала прочную проправительственную позицию. Есть мнение, что газета была напрямую связана с С. Родсом и событиями так называемого рейда Джеймсона (см. подробнее The History of “The Times”..., 1947, p. 210–247). “The Times” сыграла роль в создании отрицательного образа буров, так как ещё со времён Первой англо-бурской войны писала об их отсталости и жестокости. К началу второго конфликта данные стереотипы глубоко укоренились в сознании англичан, а целью “The Times” было «вызвать желание войны» в британском обществе (Kent, 2013). Можно сказать, что этой цели служили не только сообщения о бурах, которые якобы ведут себя как свирепые полудикари, но и освещение международного контекста под определённым углом. Свидетельством эффективности пропаганды в прессе служит тот факт, что на выборах 1900 г. избиратели вновь поддержали находящуюся у власти консервативную партию, интересы которой в значительной степени выражала “The Times”.

В Российской империи симпатии были отданы бурским республикам. Печать скрупулёзно освещала ход военных действий, и к событиям в Африке было приковано внимание всех слоёв общества. Оценки большинства печатных изданий совпадали – у читателя формировался положительный

образ отважно сражающегося за свою землю бура и негативный образ англичан, начавших несправедливую захватническую войну.

Тема восприятия событий этой войны в России широко освещена в отечественной историографии. Интересы России и Англии сталкивались в Средней Азии и на Дальнем Востоке, но, казалось бы, никак не в Африке. Однако связи с Южной Африкой были: в конце XIX – начале XX вв. туда наблюдалась эмиграция из России; известно сравнение характера и быта буров с русскими. Но в первую очередь подоплека этого интереса была в более широком контексте англо-русского противостояния. Правительство пользовалось ситуацией для того, чтобы ослабить положение Англии на международной арене (Кривоногова, 2011, Давидсон & Филатова, 2000, Туманов, 2010).

“The Times” подчёркивала, что англофобские статьи в русской печати являются отражением позиции властей и, возможно, даже распространяются по их заказу. Доказательством этого служило то, что все русские газеты, в том числе и те, что находились под полным контролем правительства, «открыто демонстрируют антипатию к британской империи и британской армии». Русское правительство ведёт свою «большую игру» в Китае, – разъясняла газета английскому читателю, – и поэтому «не сожалеет, что так называемая независимая пресса создает Англии самые большие проблемы в Южной Африке». С одной стороны, это было связано с влиянием Англии на ситуацию в Китае, с другой стороны, поощряло продолжение сопротивления буров. Последнему в Петербурге придавали большое значение не столько из-за сочувствия бурам, сколько потому, что война отвлекала Британию от событий в Азии. Упоминалось о том, что в русской прессе обсуждают возможность визита в Россию изгнанного президента Трансвааля П. Крюгера. (The Times, 1901, Dec. 1, p. 5).

“The Times” писала, что русская пресса сознательно то стремится указать на слабость отношений Англии со своими союзниками, то уличить их в злонамеренных сговорах. Так, у Англии и Португалии существовал договор 1891 г. о сферах влияния в Африке. В период войны Португалия разрешала транспортировку английских войск через свои колониальные территории. “The Times” цитировала «Московскую газету»: «К большому сожалению, державы не разместили военные корабли в гаванях Южной Африки. В Трансваале живёт немало русских подданных, служит много добровольцев ...Кто знает, какое насилие они могут претерпеть со стороны британских и португальских властей?». Разумеется, контекст публикации подразумевал необоснованность и оскорбительность подробных высказываний (The Times, 1901, Dec. 1, p. 5).

«Хорошо известно, – писала “The Times”, – что российская пресса сыграла заметную роль в клеветнической оскорбительной кампании, которую вели газеты большинства континентальных государств с самого начала войны в Южной Африке». При этом, по утверждению британского издания, многое из тех «позорных выдумок» и «грязной клеветы на британскую армию»,

что повторяют российские газеты, изначально придумано в Германии (The Times, 1902, Apr. 5, p. 7). Колониальные интересы Британии и Германии напрямую сталкивались в Африке. Германия хотела установления своего протектората над республиками. Официально она заняла нейтральную позицию, но её настрой был хорошо понятен, в том числе благодаря неосторожным речам кайзера (Царёв, 2010).

Всплеск англофобии действительно был характерен для всех слоёв российского общества в годы англо-бурской войны, хотя в связи с позднейшим потеплением отношений двух держав действия Англии в Южной Африке будут оправдывать задним числом (Кривоногова, 2011). Например, «Вестник Европы» во время конфликта вторил другим русским изданиям, а в 1907 г. в период урегулирования вопроса об автономии Трансвааля и, что важнее, подготовки русско-английского союза писал, что «побеждённые буры не имеют повода оплакивать свою судьбу» (Вестник Европы, 1907, янв., с. 411). В целом, бурский вопрос только обострял конфликтность в отношениях двух держав, порождённую иными проблемами, главные из которых в тот момент сосредоточились на Дальнем Востоке и в Китае.

«Очередная английская интрига»: пресса о причинах и последствиях обострения ситуации в Китае

В конце XIX – начале XX вв. Россия стремилась расширить своё присутствие на Дальнем Востоке, как преследуя геополитические и экономические интересы, так и заботясь об охране границ. Цинский Китай к этому времени оказался расчленён на сферы влияния европейскими странами, США и Японией. Ставшая после модернизации эпохи Мейдзи державой с большими амбициями, Япония рассматривалась Россией как одна из главных угроз в регионе. В задачи России входило недопущение окончательного раздела Цинской империи, укрепление позиций в Китае и препятствие усилению Англии (Рыбачёнок, 2012, с. 476–565). В 1898 г. усилия дипломатов увенчались подписанием конвенции об аренде Ляодунского полуострова и концессией на строительство КВЖД.

В этом же году в Китае началось направленное против иностранной экспансии движение ихэтуаней, названных на западе боксёрами. Обострение обстановки привело к тому, что в августе 1900 г. армия восьми держав, в том числе России и Британии, совершила совместную интервенцию и захватила Пекин. Заключительный «боксёрский» протокол, подписанный 7 сентября 1901 г., окончательно превратил Китай в полуколонию. В ходе последующих событий русские войска оккупировали Манчжурию. В Британии на фоне крупного антиевропейского восстания активизировались дискуссии об идентификации «своего» и «чужого». В этом контексте Россия считалась европейской державой, «своей» перед угрозой от «восточных варваров». Однако, в целом,

именно в этот период противоречия Британии и России в Китае достигли наибольшей остроты. Россия представлялась британцам наиболее опасным конкурентом на Дальнем Востоке; их волновало развитие отношений между недавними союзниками; велись споры о том, выгодно ли Британии поддерживать территориальную целостность Китая или поучаствовать в его разделе, одним из активных сторонников которого считалась Россия (Калюжная, 1978, с. 13–27, 311–328, Макаров, 2011, 2012).

В июне 1900 г. в момент наивысшего обострения ситуации в Китае “The Times” обратилась к интерпретации происходившего в русской прессе. Россия оказалась очень подходящим кандидатом на место общего руководителя интервенции, но брать на себя эту роль означало, что в дальнейшем ей может угрожать политическая изоляция, поэтому российское руководство проявляло в переговорах консерватизм и сдержанность (Фарбетова & др., 2018). В связи с этим неудивительно, что “The Times” отмечала отсутствие в российских официальных изданиях содержательных комментариев относительно дальнейших намерений России. Вместе с тем сообщалось, что привычную «брань на Англию за подчинение буров разнообразили глупые инсинуации против неё в связи с китайскими “боксёрами”». Так, согласно «Биржевым ведомостям», оказывалось, что боксёры действуют в интересах англичан в том смысле, что «британская дипломатия никогда не упустит возможности извлечь выгоду из таких осложнений, в особенности на Дальнем Востоке». Допустить, чтобы Англия воспользовалась ситуацией в свою пользу, нельзя, и Россия, получив Порт-Артур, должна в обмен дать Китаю гарантии против Англии и Японии. «Эта идея, – по выражению “The Times”, – в сочетании с уверенностью в том, что Россия держит Англию под контролем на индийской границе», приводила русскую газету к приятному выводу о том, что появление иностранных соединений в Пекине не несёт большой опасности (The Times, 1900, June 8, p. 5). В свою очередь «Новое время» прокомментировало утверждения, что Россия имеет слишком большие преимущества из-за сложившейся обстановки. Газета оценила их как «очередную английскую интригу с целью посеять раздор между державами, заинтересованными в китайских делах», заметила, что у англичан есть «привычка всегда ставить под подозрение Россию», и пригрозила, что «если в итоге кто-то и обнаружит себя в изоляции, то это будет Англия» (The Times, 1900, June 8, p. 5).

В ноябре 1901 г. в английском журнале “National Review” вышла статья, в которой якобы от имени некоего представителя российской дипломатии высказывалось мнение о возможности сближения Англии и России. Это произвело большое впечатление на всём континенте и стало темой бесконечных спекуляций в европейской прессе. “The Times” ответила статьей, разъясняющей сложности, стоящие на пути к соглашению между Россией и Англией по поводу Персии, отметила наличие договоров у России с Францией и Австро-Венгрией, а также проанализировала реакцию российской прессы.

«В конце концов, пренебрежительный тон, в котором некоторые ведущие российские журналы опровергли предположение об англо-русском соглашении, устранил все сомнения в том, что идея имеет под собой очень мало оснований или вовсе никаких», – заключила газета. Тем самым она посчитала оценки в прессе достаточным поводом прекратить какие-либо дискуссии по этому вопросу (The Times, 1901, Nov. 21, p. 5).

3 января 1902 г. в “The Times” вышла статья, в которой со ссылкой на располагающий доказательствами компетентный источник в Монголии сообщалось, что Россия давно плела хитроумные интриги на Востоке и при участии видного дипломата и востоковеда Э. Ухтомского заключила тайное соглашение с Китаем за два года до восстания боксёров. По этому соглашению якобы уже тогда устанавливалось, что «Манчжурия, Монголия, часть Туркестана и Тибет не являются больше частью Китайской империи, а либо находятся под протекторатом России (как Монголия), либо аннексированы Россией (как Манчжурия)». В конечном счете, в статье подразумевалось, что Россия стояла за организацией восстания боксёров. Спустя несколько дней корреспондент “The Times” в Петербурге передавал опровержение Ухтомского. Тот заявил, что «Россия пострадала от восстания боксёров больше любой другой державы, и это абсурд вменять восстание, которое было китайским и националистическим по характеру, интригам России» (The Times, 1902, Jan. 3, p. 6, Jan. 14, p. 4).

“The Times” подчеркнула, что воздерживается от комментариев в пользу той или иной стороны, и на той же странице того же номера продолжила отслеживать дискуссию в русской прессе о вероятном примирении. «Новое время» опубликовало перевод упомянутой выше статьи в “National Review” и дало возможность высказаться как допускающим скорое сближения с Англией, так и отрицающим его. Среди последних был некий публицист М. Снальковский, который, как писала “The Times”, известен читателям ведущей российской газеты своими атаками на Великобританию. Он утверждал, что автор статьи в “National Review” никогда не был российским дипломатом, поскольку таковой не мог говорить, что «до начала Крымской войны отношения Великобритании и России были неизменно дружественными». Мораль всей статьи Снальковского “The Times” резюмировала так: «Великобритания и Россия всегда были врагами, и никакое согласование их противоположных интересов не является возможным или желательным». Было также подчеркнута, что мнение этого автора не является официальной позицией «Нового времени», но всё же «российская пресса продолжает обсуждать британскую политику и британские дела с решительной враждебностью» (The Times, 1902, Jan. 14, p. 4).

Публикации в таком же тоне продолжались с обеих сторон и далее. Собственный корреспондент “The Times” Д. Брехем даже был выслан из России (The Times, 1903, May 29, p. 3, Банникова, 2016). Критиковавшие британскую

политику российские издания “The Times” регулярно обозревала и неизменно обвиняла в предвзятости и необъективности. Так, в заметке 1903 г. замечалось, что «у “Нового времени” нет другого счастья, кроме как атаковать какое-нибудь иностранное государство. Обычно его ядовитые нападки нацелены на Германию, но ради разнообразия иногда достается и Великобритании. Изредка оно направляет свой бранный язык на то, чтобы выделить определённые союзные и дружественные державы, и этим союзникам выказывает большое уважение» (The Times, 1903, Apr. 9, p. 3).

Перемена курса: русская пресса об Англии в 1904–1907 гг.

Активная политика России на Дальнем Востоке выявила общность интересов Англии и Японии. Обе они опасались активности России в Корее и Китае, но у Британии гораздо больше беспокойства вызывала ситуация в Центральной и Южной Азии. К 1903 г. Россия сконцентрировала войска в Туркестане и на восточной границе Персии. Уже сложился союз России с Францией, имевшей колонии в Индии. В случае крупномасштабного конфликта в регионе Британская Индия была бы под угрозой блокады русско-французской эскадрой. Япония оказывалась союзником, который мог создать угрозу России на Дальнем Востоке и отвлечь её от Индии. Первый англо-японский договор был подписан 30 января 1902 г. Англия и США предоставили Японии ссуды на строительство и приобретение кораблей, часть из них строилась на английских верфях, а экипажи включали английских специалистов. В течение 1904–1905 гг. Японией получались финансовые средства на ведение боевых действий (Куценко, 2020). Подписание англо-японского договора можно считать первым практическим шагом по пути отхода Британии от политики «блестящей изоляции» (Капитонова & Романова, 2020, с. 206–207).

Когда началась русско-японская война, “The Times” подробно освещала происходящее, комментируя его примерно в тех же выражениях, в каких русская пресса писала о бурской войне. Английская печать в период войны работала в различных направлениях с целью дискредитации России, дестабилизации её внутреннего положения, шпионажа в пользу Японии и т. д. (Куценко, 2020). Однако всё это не было так очевидно для современников, о чём свидетельствуют те высказывания русской прессы об Англии, которые продолжала печатать “The Times”. Кроме того, позиция самого английского правительства в отношении России начинает меняться после подписания договора с Францией в 1904 г. (Синегубов & Шилов, 2016, с. 247, Guillen, 1971).

В разгар русско-японской войны в сентябре 1904 г. “The Times” перепечатала заметку из “Journal de St.-Petersbourg”, не сопроводив её никакими комментариями. В ней выражалась надежда, что Япония не будет «искать спасения» в расширении войны и вовлечении в неё третьей державы. «Вот, например, война с Британией не может разразиться, потому что на это

нет существенных причин, – утверждалось в статье, – в русских сердцах нет реальной враждебности к англичанам, а русские моряки никогда не посягали на честь британского флага». «Мы только хотим, чтобы в Британии появилось такое же уважение к России, какое уже существует здесь по отношению к англичанам... Придёт день, возможно, он ближе, чем кажется, когда необходимость искреннего сближения с Россией будет чувствоваться в Англии», – с неожиданным оптимизмом предполагалось в статье (*The Times*, 1904, Sep. 3, p. 3). Эти высказывания вовсе нельзя считать частным мнением какого-то мелкого издателя, ведь “*Journal de St.-Petersbourg*” был официальным органом Министерства иностранных дел России, издававшимся под разными названиями с 1807 г. Он выходил на французском языке, поскольку тот считался языком дипломатии, что к началу XX в. уже было, скорее, данью традиции. В самом журнале не указывалось имён редакторов и даже выпускающего ведомства, но его статус и так был хорошо известен (Сперанская, 2015). В этой связи появление в “*The Times*” полного текста этой заметки выглядит неслучайным.

В декабре 1904 г. “*The Times*” поместила очередной обзор на русские газеты, обсуждавшие вероятность англо-русской конвенции. «Новое время» и «Биржевые ведомости» считали её «желанной победой для русской дипломатии», но симпатий в отношении Англии не демонстрировали и рассчитывали на помощь Франции – «верного союзника России». Статья в «Биржевых ведомостях», которую цитировала “*The Times*”, называлась «Как обуздать дикое животное джингоизма?». В ней утверждалось, что английская ненависть в отношении России просто спит, во многом благодаря положительному влиянию выступающей «громоотводом» Франции (*The Times*, 1904, Dec. 12, p. 3).

В мае 1905 г. “*The Times*” заявляла, что «Новое время» продолжает свою англофобскую кампанию, возлагая на Англию ответственность за восстание в Йемене и выражая надежду, что «британские козни» будут пресечены Германией – «защитником целостности Оттоманской империи». Британское издание иронически писало о «Новом времени», что непонятно, когда оно шутит, а когда пишет всерьёз. К примеру, утверждение, что в Аравии никогда не было восстаний против турецкого господства, пока Англия не появилась в Египте, «по-видимому, шутка» (*The Times*, 1905, May 5, p. 5).

Ранее “*The Times*” неоднократно разъясняла читателям суть противоречий с Россией, в особенности часто затрагивая вопрос о Персии (“*The Times*”, Jan. 7, 1903, p. 3). Так, в 1903 г. она цитировала «Новое время», утверждавшее, что «политическая независимость Персии окрепла благодаря российской дружбе и поддержке. Мы ни в коем случае не собираемся покуситься на эту независимость путем раздела сфер влияния, и нас не заставят пойти на этот шаг напыщенные высказывания британских политиков» (“*The Times*”, March 14, 1903, p. 7). Однако взгляд на эту проблему изменился к 1905 г. – Россия терпит поражение в войне с Японией, переживает революцию, а главное, начинает осознавать

возрастание германской опасности. Германия становится основной угрозой и для Англии (Синегубов & Шилов, 2016, 132–184, Bridge & Bullen, 2005, 266–286), и это толкает страны на сближение.

“The Times” писала о том, как в русской прессе освещались события Танжерского кризиса и какую «мрачную картину» возможного германо-французского конфликта рисовало «Новое время» (The Times, 1905, June 26, p. 5). Пока дипломаты искали возможности урегулирования, “The Times” цитировала заметки, подтверждающие скорые изменения во внешнеполитических ориентирах России. Это были не только выдержки из русской прессы, но и аналогичные обзоры не французскую печать. В обоих случаях всё чаще звучали суждения о том, что «российские и британские интересы не противоположны», а «нерушимый русско-французский союз» должен быть дополнен договором с Британией. Выражалась открытая надежда на то, что, «следуя счастливому примеру Франции», которая подписала договор с Англией в 1904 г. (Guillen, 1971), Россия тоже заключит Антанту с Англией (The Times, 1905, Oct. 10, p. 4, 1906, May 1, p. 7).

Следует сказать также, что изменилась внутривнутриполитическая ситуация в Британии. 1905 г. ознаменовался кризисом в правительстве, а выборы 1906 г. принесли победу либеральной партии. Традиционно считается, что британские либералы не одобряют силовые методы в ведении внешней политики и менее склонны к колониальным авантюрам. В течение последних лет среди либералов наметился раскол по этим вопросам, но в любом случае смена кабинета сказалась на британском внешнеполитическом курсе и дипломатии (Капитонова & Романова, 2020, с. 204). В России также произошла демократизация самодержавного режима. Обновились политические элиты обеих стран. Появление таких фигур как А. П. Извольский и Э. Грей способствовало запуску переговорного процесса (Сергеев, 2012, с. 268–269). В контексте нашей темы не следует забывать о том, что “The Times” продолжала оставаться газетой преимущественно консервативной ориентации и не могла считаться выразителем мнения всей британской общественности (Temple, 2008, p. 14–30).

Активные переговоры между Россией и Англией о согласовании интересов в Тибете, Персии и Афганистане начались в 1906 г., и их ход хорошо освещен в научной литературе (Борков & Ильин, 2012, Макутчев, 2014). Сергеев опровергает распространённое заблуждение, что переговоры велись исключительно дипломатами, за плотно закрытыми дверями. На самом деле, в них сыграли важную роль военные, бизнес, чиновники на местах, а также журналисты (2012, с. 269). Периодическая печать отслеживала события, могущие стать отражением успеха или провала усилий дипломатов. В июне 1906 г. было объявлено, что уже согласованный дружественный визит британского флота в Россию отложен по инициативе принимающей стороны. В самой Британии не было однозначного понимания целей намеченного визита; вопрос вызвал бурное обсуждение в Палате общин, министр иностранных дел Э. Грей вынуж-

жден был доказывать парламенту его целесообразность. Когда же визит отменили, в “The Times” вышла обширная заметка с комментариями из русской периодики. «Биржевые ведомости» посчитали, что «визит британского флота рассматривается как акт международной вежливости по отношению к державе, с которой формируются добрососедские отношения, он желателен для обоих государств и не должен откладываться». Это визит закрепит «дружеский союз, признаки которого стали проявляться в последнее время», он означает «сближение между двумя странами», внезапная его отмена может быть воспринята как смена избранного Россией политического курса. Газета «Речь» сравнила уважительное отношение Англии к России с отношением некоторых других держав. Они не назывались, но очевидно, что подразумевалась Германия. Если эти другие государства ищут некие «династические и эгоистические комбинации», то Англия «проникнута глубоким и искренним желанием взаимопонимания между нациями». Более того, по утверждению «Речи», Франция и Англия делают всё возможное, чтобы поощрять конституционный порядок в России, в то время как некоторые другие державы способствуют внутренним волнениям и хотят воспользоваться её слабостью, «они хотят гражданской войны в России». В итоге “The Times” заключала, что настрой российской общественности был благожелателен к данному визиту и в целом к Англии как будущему партнёру. Ответственность же за отмену мероприятия британская газета возлагала на недалёковидных реакционеров в российском правительстве (The Times, 1906, July 7, p. 7).

Соглашение было подписано в августе 1907 г. в Санкт-Петербурге британским послом А. Николсоном и российским министром иностранных дел А. П. Извольским. Он был известным сторонником англо-русского союза, в связи с чем “The Times” регулярно высказывалась о нём с большим уважением. Как известно, согласно положениям конвенции, Россия признавала Афганистан сферой интересов Британии, стороны отказывались от притязаний на Тибет, а Персия делилась на сферы влияния.

В течение сентября 1907 г. в “The Times” приводились мнения русских газет самой разной политической направленности. Кадетская «Речь» поддерживала соглашение, но считала, что это «только шаг на пути к будущему сближению» и указала на то, что британская публика также проводит различие между «локальной Антантой» и “Entente Cordiale” (The Times, 1907, Sept. 5, p. 3). Либеральная газета «Русь» полагала, что конвенция «предваряет дальнейшее развитие дружеских отношений, обещает в ближайшем будущем новую комбинацию политических сил в мире и улаживает многие сложные вопросы, ранее считавшиеся неразрешимыми». Если какие-то нерешённые проблемы ещё и оставались в отношениях двух стран, то теперь нет препятствий к заключению дополнительных соглашений. Немаловажным для британского читателя было мнение «Руси», что Россия окончательно оставила все идеи о выдвигании в сторону Индийского океана. «Новое время» не спешило говорить о крепкой и

долговременной дружбе держав, а осторожно писало, что «конвенция может служить как инструментом мира, так и войны. Это зависит от отношения других держав и от нас самих». Газета левых кадетов «Товарищ», которую “The Times” характеризовала то как «крайне радикальную», то как «социалистическую», подтверждала опасения, переполнявшие британскую прессу в предшествующие годы. «Ещё пять лет назад Россия не подписала бы такое соглашение, – говорилось в заметке, – ведь тогда она мечтала об экспедиции в Индию или, по крайней мере, о возможности угрожать этим Великобритании по первому подходящему поводу» (The Times, 1907, Sept. 28, p. 5).

В конце сентября корреспондент “The Times” в Петербурге писал, что можно констатировать в местной прессе «полное отсутствие неблагоприятных комментариев», кроме упомянутой газеты «Товарищ», но она оппозиционная и поэтому просто «отказывается признать, что правительство способно сделать хоть какой-то мудрый шаг». В то же время все ведущие органы печати, включая «Новое время», «Слово», «Речь», находятся «под впечатлением от справедливого характера соглашения». Было ясно, что сам по себе факт соглашения оценивался положительно, но корреспондент “The Times” увидел и серьёзные изменения в настроениях русской печати вообще. Он писал: «Нужно отметить, что тон всех разделов прессы никогда не был таким одинаково дружелюбным по отношению к Англии. Старые подозрения, кажется, похоронены, давайте надеяться, что навсегда» (The Times, 1907, Sept. 27, p. 7).

В течение ближайших месяцев “The Times” фиксировала изменения в риторике в отношении Британии и сама использовала совсем иные характеристики. Так, например, «Новое время», в адрес которого ранее звучали самые язвительные эпитеты, в дальнейшем лаконично именовалась консервативной газетой.

В знак наступившей дружбы в мае 1908 г. состоялась встреча английского короля Эдуарда VII с Николаем II в Ревеле. “The Times” всегда уделяла большое внимание событиям с участием монарха и королевской семьи. И в тот раз не обошлось без подробного изложения программы мероприятия, а также обзора европейской прессы. Больше внимание по очевидным причинам было уделено реакции немецких газет на это свидетельство англо-русского сближения. Обозреватель “The Times”, процитировав несколько русских газет, заключил: «Погода далека от приятной, но... англо-русские раздоры уступают место англо-русской дружбе, которая способствует реальному, а не мнимому балансу сил в Европе» (The Times, 1908, June 8, p. 3).

Анализ аналогичных публикаций в “The Times” последующего периода показывает, что в Англии союз с Россией считался крайне значимым, но в то же время казался непрочным. “The Times” постоянно выискивала в русской прессе возможные свидетельства поворота общественных настроений в сторону союза с Германией. Какое-либо взаимодействие между германской и русской дипломатией или контакты между Николаем и Вильгельмом воспринимались

как потенциальная угроза Антанте. “The Times” всегда с большим удовлетворением писала о том, что русская пресса настроена критично по отношению к Германии и по-прежнему привержена идее англо-русского союза и дружбы (Антонова, 2021).

Выводы

В начале XX в. отношения с Россией и любые потенциальные их изменения являлись значимой составляющей британской внешнеполитической повестки. Они волновали не только правительство и дипломатические структуры, но и представляли неподдельный интерес для широкой общественности. Неудивительно, что ведущая британская газета “The Times” практически в каждом номере в том или ином контексте затрагивала вопросы российской внешней политики. При этом “The Times” внимательно следила за тем, в каком тоне российская пресса упоминает Британию, каким её образ выглядит на страницах российских газет и что это означает в общем контексте англо-русских взаимоотношений.

Практика обзоров на иностранную прессу была стандартной для европейской печати. Все такие публикации взаимно отслеживались, и иногда даже возникали длительные разбирательства из-за некорректного цитирования или неверного перевода. Очевидно, что пресса других государств постоянно находилась под пристальным вниманием в Лондоне, но до английских читателей доводили только отдельные выдержки, по мнению “The Times”, заслуживавшие их внимания. В большинстве случаев эти цитаты подтверждали общую идею, которую редакция хотела донести в тот момент. Например, об усилении в российской прессе и обществе англофобии или, напротив, о дружественном настрое в отношении Британии.

Необходимо учитывать происходившую в рассматриваемый период смену партий у власти, а в связи с этим и специфику “The Times”. Газета традиционно позиционировала себя как независимое, объективное, надпартийное издание, могла критиковать отдельные решения правительства, но имела авторитет проконсервативной. Последовательно демонстрируя консервативную ориентацию, она, тем ни менее, не вставала в жесткую оппозицию к правительству, даже если кабинет был либеральным.

Аудитория “The Times”, по крайней мере, та её часть, которая читала внешнеполитические обзоры, явно не нуждалась в постоянных пояснениях относительно политической ориентации российских изданий – образованная публика была с ними знакома. Как видно из проанализированных публикаций, риторика “The Times” в отношении России и русской прессы была весьма экспрессивной. Отметим, что газета старалась не переходить границу даже в периоды наибольшего обострения отношений двух стран. Редакция всегда отделяла свою позицию от мнения частных лиц. Публикуя информацию

о неких неподтверждённых слухах, “The Times” воздерживалась от собственных комментариев в их поддержку. Когда речь шла об императоре или царской семье, тон публикаций, как правило, был уважительным или нейтральным.

В свою очередь, статьи «Нового времени» и прочих попадавших в поле зрения британской газеты российских изданий были не менее эмоциональны, что, в целом, типично для публицистического стиля. Мы можем проследить стремительное изменение во взаимных оценках. Если до англо-русского сближения “The Times” называла статьи в российской прессе англофобскими, клеветническими, предвзятыми, спекулятивными, враждебными, то накануне и после подписания конвенции 1907 г. чаще всего звучала характеристика «дружественный». Всё это ярко сигнализировало об изменениях в расстановке политических сил в Европе. Вместе с тем нельзя говорить о том, что взаимовосприятие русских и англичан так же быстро поменялось в противоположную сторону. “The Times”, хоть и смягчила общую риторику в отношении России, но продолжала быть осторожной в оценках перспектив Антанты. Если же речь шла о внутренней жизни России, она не упускала случая покритиковать российскую политическую систему и социальный строй. Так, когда в январе 1906 г. в Британии проходили выборы, “The Times” писала: «Большинство [русских] газет демонстрируют чувство зависти и восхищения по отношению к стране, где текущие политические вопросы решаются без кровопролития» (The Times, 1906, Jan. 18, p. 6).

В целом, на основе рассмотренных публикаций в “The Times”, можно наблюдать, как за первое десятилетие XX в. отношения России и Британии прошли путь от «решительной враждебности» к «сердечному согласию» – Антанте. За это время официальная риторика и тональность публикаций в прессе обеих стран также претерпела серьезные изменения. Обращение к русской и британской периодической печати того периода напоминает нам о том, как быстро могут произойти кардинальные сдвиги во внешнеполитической ситуации и какое мощное влияние на восприятие того или иного государства в качестве врага, конкурента или союзника оказывает пресса.

Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00770 «Образ врага в российской дореволюционной периодической печати XX века», <https://rscf.ru/project/23-28-00770/>

Список литературы

- Archive. (1900, 1908). The Times. <https://www.thetimes.co.uk/archive>
- Bridge, R., & Bullen, R. (2005). *The Great Powers and the European States System 1814-1914*. Pearson Longman.
- Guillen, P. (1971). *The Entente of 1904 as a Colonial Settlement In France and Britain in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule*, 333–368. Yale University Press.
- Kent, K. S. (2013). Propaganda, Public Opinion, and the Second South African Boer War. *Inquiries Journal*, 5(10). <http://www.inquiriesjournal.com/articles/781/3/propaganda-public-opinion-and-the-second-south-african-boer-war>
- Lee, A. J. (1976). *The origins of the popular press in England, 1855-1914*. Croom Helm.
- Neilson, K. (1995). *Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894-1917*. Clarendon Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198204701.001.0001>
- Temple, M. (2008). *The British Press*. Open University Press.
- The History of "The Times". The Twentieth Century Test. 1884-1912*. (1947). The Macmillan Company.
- Антонова, Л. (2021). "The Times" о российско-германских отношениях накануне Первой мировой войны. *Россия – Германия в образовательном, научном и культурном диалоге. Сборник материалов Международного научно-просветительского форума (Псков, 16-17 сентября 2021 г.)*, 10–15. <https://doi.org/10.37490/de2021/002>
- Антонова, Л. В., & Дронова, Н. В. (2020). Британский милитаризм и общество: Опыт военных выставок 1901 года в Лондоне. *Вестник гуманитарного образования*, 4, 56–66. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.049>
- Банникова, Н. В. (2016). Корреспондент Джордж Добсон (1854-1938): Жизнь и работа в России. *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*, 1, 28–38. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2016-1-28-38>
- Блохин, В. Ф. (2009). Из истории цензурного реформаторства: Государство и легальная печать России в политическом контексте (1865-1905 годы). *Вестник Челябинского государственного университета*, 6, 34–44.
- Борков, А. В., & Ильин, А. В. (2012). Обсуждение тематики Черноморских проливов в ходе российско-английских переговоров 1906-1907 гг. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 1, 21–25.
- Вестник Европы*. (1907). Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. <https://www.prlib.ru/section/684601>
- Давидсон, А. Б., & Филатова, И. И. (2000). Англо-бурская война и Россия. *Новая и новейшая история*, 1, 31–51.
- Калюжная, Н. М. (1978). *Восстание ихэтуаней (1898-1901)*. Наука.
- Капитонова, Н. К., & Романова, Е. В. (2020). *История внешней политики Великобритании. Международные отношения*.
- Кривоногова, С. А. (2011). Англо-бурская война и эволюция образа Англии в российском общественном сознании. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 9, 31–33.

- Куценко, Б. О. (2020). Причины и формы участия Британской империи в Русско-японской войне 1904–1905 гг. *Манускрипт*, 13(9), 44–50. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.8>
- Макаров, В. А. (2011). «Раздел Китая» в восприятии британских авторов (по материалам периодической печати). 1897–1901. *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 5, 13–16.
- Макаров, В. Н. (2012). «Европа» и «Не-Европа»: Цивилизационная идентичность России и Японии в британском общественном сознании на рубеже XIX–XX вв. (По материалам периодической печати). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(6), 160–167.
- Макутчев, А. В. (2014). Раздел сфер влияния между Россией и Англией в Персии в 1907 г. Как часть дипломатической подготовки к Первой мировой войне. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*, 11, 88–93.
- Медведик, И. С. (2006). Англо-российский конфликт в Персии в британской прессе (конец XIX начало XX в.). *Вестник Астраханского государственного технического университета*, 5, 69–77.
- Романова, Е. В. (2008). *Путь к войне: Развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг.* МАКС Пресс.
- Рыбачёнок, И. С. (2012). *Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX – XX вв.: Цели, задачи и методы.* РОССПЭН.
- Сергеев, Е. Ю. (2012). *Большая игра, 1856–1907: Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии.* Товарищество научных изданий КМК.
- Синегубов, С. Н., & Шилов, С. П. (2016). *Кайзеровская Германия – Великобритания – Россия: Альтернативы и реалии военно-морских взаимоотношений в 1897–1906 гг.* Остров.
- Сперанская, Н. М. (2015). Периодические издания на французском языке в России в первой трети XIX в. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 16(3), 332–347.
- Туманов, А. Г. (2010). Англо-бурская война 1899–1902 годов в оценке русских современников. *Запад-Восток. Научно-практический ежегодник*, 3, 43–50.
- Фарбетова, О. Е., Зайцев, В. А., & Баранов, Д. А. (2018). Ихэтуанское восстание: Позиция России. *Военно-исторический журнал*, 5, 33–40.
- Фролов, В. В. (2021). Образ Великобритании на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 2, 129–132.
- Царёв, А. С. (2010). Англо-бурская война и позиция Германии. *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*, 1, 52–58.

References

- Antonova, L. (2021). “The Times” on Russian-German Relations on the Eve of World War I. *Rossiya – Germaniya v obrazovatel'nom, nauchnom i kul'turnom dialoge. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchno-prosvetitel'skogo foruma (Pskov, 16–17 sentyabrya 2021 g.)*, 10–15. <https://doi.org/10.37490/de2021/002> (In Russian).

- Antonova, L. V., & Dronova, N. V. (2020). British militarism and society: the experience of military exhibitions 1901 in London. *Herald of Humanitarian Education*, 4, 56–66. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.049> (In Russian).
- Archive. (1900, 1908). The Times. <https://www.thetimes.co.uk/archive>
- Bannikova, N. V. (2016). Correspondent George Dobson (1854-1938): Life and Work in Russia. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 1, 28–38. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2016-1-28-38> (In Russian).
- Blokhin, V. F. (2009). Iz istorii tsenzurnogo reformatorstva: Gosudarstvo i legal'naya pechat' Rossii v politicheskom kontekste (1865-1905 gody). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6, 34–44. (In Russian).
- Borkov, A. V., & Ilyin, A. V. (2012). Discussion of the Subject of the Turkish Straits in the Course of Russian-British Talks of 1906-1907. *Historical and Socio-Educational Thought*, 1, 21–25. (In Russian).
- Bridge, R., & Bullen, R. (2005). *The Great Powers and the European States System 1814-1914*. Pearson Longman.
- Davidson, A. B., & Filatova, I. I. (2000). Anglo-burskaya voyna i Rossiya. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1, 31–51. (In Russian).
- Farbetova, O. E., Zaytsev, V. A., & Baranov, D. A. (2018). Yihetuan uprising: position of Russia. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 5, 33–40. (In Russian).
- Frolov, V. V. (2021). The Image of Great Britain on the Pages of the Military Periodical “Chronicle of the War of 1914-1917” in the Early Years of the First World War (1914-1915). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2, 129–132. (In Russian).
- Guillen, P. (1971). *The Entente of 1904 as a Colonial Settlement In France and Britain in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule*, 333–368. Yale University Press.
- Kalyuzhnaya, N. M. (1978). *Vosstanie ikhetuaney (1898–1901)*. Nauka. (In Russian).
- Kapitonova, N. K., & Romanova, E. V. (2020). *Istoriya vneshney politiki Velikobritanii. Mezhdunarodnye otnosheniya*. (In Russian).
- Kent, K. S. (2013). Propaganda, Public Opinion, and the Second South African Boer War. *Inquiries Journal*, 5(10). <http://www.inquiriesjournal.com/articles/781/3/propaganda-public-opinion-and-the-second-south-african-boer-war>
- Krivosnogova, S. A. (2011). The Anglo-Boer War and Evolution of an Image of England in the Russian Public Conscience. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, 9, 31–33. (In Russian).
- Kutsenko, B. O. (2020). Motives and Forms of the British Empire's Participation in the Russian-Japanese War of 1904-1905. *Manuscript*, 13(9), 44–50. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.8> (In Russian).
- Lee, A. J. (1976). *The origins of the popular press in England, 1855-1914*. Croom Helm.
- Makarov, V. A. (2011). “Partition of China” in the Eyes of the British Authors (Based on the Periodicals). 1897-1901. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*, 5, 13–16. (In Russian).

- Makarov, V. N. (2012). 'Europe' and 'Non-Europe': Civilization Identity of Russia and Japan in the British Public Opinion (British Press in the XIX-XX Centuries). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 15(6), 160–167. (In Russian).
- Makutchev, A. V. (2014). The Partition of Influence Spheres Between Russia and Great Britain in Persia on 1907 in the Preparation of Great War. *Herald of Vyatka State University*, 11, 88–93. (In Russian).
- Medvedick, I. S. (2006). The Anglo-Russian Conflict in Persia in The British Press (The End of XIXth – The Beginning of XX th Centuries). *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 5, 69–77. (In Russian).
- Neilson, K. (1995). *Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917*. Clarendon Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198204701.001.0001>
- Romanova, E. V. (2008). *Put' k voyne: Razvitie anglo-germanskogo konflikta, 1898–1914 gg.* MAKSPRESS. (In Russian).
- Rybachenok, I. S. (2012). *Zakat velikoy derzhavy. Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX – XX vv.: Tseli, zadachi i metody.* ROSSPEN. (In Russian).
- Sergeev, E. Yu. (2012). *Bol'shaya igra, 1856–1907: Mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii.* Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK. (In Russian).
- Sinegubov, S. N., & Shilov, S. P. (2016). *Kayzerovskaya Germaniya – Velikobritaniya – Rossiya: Alternativy i realii voenno-morskikh vzaimootnosheniy v 1897–1906 gg.* Ostrov. (In Russian).
- Speranskaia, N. M. (2015). Francophone Periodicals in Russia in the Early XIX Century. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 16(3), 332–347. (In Russian).
- Temple, M. (2008). *The British Press.* Open University Press.
- The History of "The Times". The Twentieth Century Test. 1884–1912.* (1947). The Macmillan Company.
- Tsaryov, A. S. (2010). Boer War and the Position of German. *Bulletin of Ryazan State University Named for S.A.Yessenin*, 1, 52–58. (In Russian).
- Tumanov, A. G. (2010). Anglo-burskaya vojna 1899–1902 godov v otsenke russkikh sovremennikov. *Zapad-Vostok. Nauchno-prakticheskiy ezhegodnik*, 3, 43–50. (In Russian).
- Vestnik Evropy.* (1907). Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'tsina. <https://www.prlib.ru/section/684601> (In Russian).